

Н.Л. Лейдерман

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ СЛОВО: В.Г. КОРОЛЕНКО «ПИСЬМА К А.В. ЛУНАЧАРСКОМУ»

Одним из главных аргументов, посредством которых Ленин пытался опровергнуть резкую критику Горьким деяний советской власти, был такой: писатель плохо осведомлен о реальном положении дел; он живет в Питере и вынужден «наблюдать обрывки жизни бывшей столицы», его окружает «озлобленная буржуазная интеллигенция, ничего не понимая, ничему не научившаяся». «Вы поставили себя в положение, в котором можете непосредственно наблюдать новое в жизни рабочих и крестьян, т.е. 9/10 населения России Вы не можете», – писал Ленин Горькому 31 июля 1919 года. – «Если наблюдать, надо наблюдать внизу, где можно обозреть работу нового строения жизни, в рабочем поселке, провинции или в деревне...»¹.

Владимир Галактионович Короленко (1853-1921) еще задолго до революции вынужден был по состоянию здоровья переселиться в Полтаву, и все перипетии революции и гражданской войны он наблюдал не из Питера и не из-за зубцов московского Кремля, а именно «внизу». Прямо перед окнами его дома прошли кайзеровские солдаты и ряженные гайдамаки гетмана Скоропадского, Добровольческая армия генерала Деникина и «жовтоблакитники» Петлюры, «повстанцы» батьки Махно и отряды Красной армии. Старому и тяжело больному писателю пришлось и голодать, и оказывать посильную помощь умирающим от голода², вступать в рукопашную с грабителями, ворвавшимися в его дом, и регулярно навещать ЧК, чтоб спасти очередных жертв красного террора, в их числе и собственного зятя... Словом, его-то никак нельзя было упрекнуть в слабой осведомленности о положении дел «внизу», «работу нового строения жизни» он лицезрел, что называется, «в картинках».

Наум Лазаревич Лейдерман — доктор филологических наук, профессор кафедры современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета.

¹ Цит. по: В.И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1957. С.301-302. (Разрядка и курсив автора.)

² Короленко был избран почетным председателем Всероссийского комитета помощи голодающим (ПОМГОЛ) Комитет просуществовал всего два месяца (с июля по август 1921 г.), был распущен по личному распоряжению Ленина с директивой газетам - «изо всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.53. С. 142.)

Владимир Короленко имел огромный авторитет в общественных кругах России. Его называли «певцом высокой гуманности, поэтом русской интеллигентской совести»³. Толерантность, уважение к инакомыслию сам Короленко считал своим кредо: «У меня навсегда осталось религиозное отношение к свободе чужого убеждения и чужой веры»⁴. Еще в молодые годы заслужил репутацию народного заступника, когда встал на защиту крестьян-удмуртов, и подтвердил эту репутацию в 1913 году, когда выступил защитником по делу Бейлиса – еврея-приказчика обвиненного в ритуальном убийстве. Журнал «Русское богатство», который издавал Короленко с 1904 года, был в России одним из самых солидных периодических изданий либерально-демократического направления, печататься в нем почитали за честь крупные писатели, ученые, политики, публицисты.

Уже на излете жизни, «сводя итоги», как он сам выразился, Короленко писал: «Вижу, что мог бы сделать много больше, если бы не разбрасывался между чистой беллетристикой, публицистикой и практическими предприятиями, вроде Мултанского дела или помощи голодающим. Но – ничуть об этом не жалею. Во-первых, иначе не мог. Какое-нибудь дело Бейлиса совершенно выбивало меня из колеи, Да и нужно было, чтобы литература в наше время не оставалась безучастной к жизни»⁵. В годы революции и гражданской войны писатель болезненно переживал всё, что происходило вокруг, он считал своим долгом вмешиваться в ход событий, оглашать свою позицию пытаться влиять на общественное мнение и на деятельность новой власти.

---

³ Цит. по книге *Негретов П.И.* В.Г. Короленко: летопись жизни и творчества. 1917-1921. – «Книга», М., 1990. С.221. В книге П.И. Негретова представлены разнообразные материалы (дневники, письма, обращения писателя, документы и воспоминания современников), свидетельствующие о титанической деятельности старого писателя в защиту демократических ценностей и жизни людей. Далее ссылки на дневниковые и иные записи Короленко будут приводиться по этому источнику с указанием дат.

Цитаты из «Писем к Луначарскому» даются также по этому изданию (в скобках: римскими – порядковый номер письма, арабскими – страница).

⁴ Короленко – Горькому. 19 мая 1920 г.// М. Горький, Неизданная переписка. М., 2000. С. 154.

⁵ *Короленко В.* Письмо С.Д. Протопопову. 16/19 июля 1920 г.// Собр. соч. В 10-и т. Т. 10. М., 1956. С.578.

«Проект письма» к Луначарскому «начал складываться» у Короленко еще 12 мая 1920 года, когда тот первый раз проехал через Полтаву и послал ему записку. 7 июня Луначарский вновь приехал в Полтаву и навестил писателя. Есть свидетельства того, что инициатива этой встречи принадлежала Ленину. Новой власти нужны была поддержка людей, имеющих непререкаемый авторитет в стране. Разговор между старым писателем и советским наркомом, видимо, был нелicenseприятный, но в итоге была достигнута договоренность, что Короленко вышлет письма Луначарскому со своими соображениями по поводу происходящего, Луначарский же обязуется их издать. Короленко написал 6 писем, они были отправлены с 19 июня по 22 сентября 1920 г. Луначарский их получил. Известно, что с ними ознакомился Ленин, они ходили по рукам, их издали за границей (1922 г.), но в России они впервые были напечатаны только спустя 68 лет (в журнале «Новый мир», 1988, №10).

Жанр письма – это наиболее адекватный способ изложения *личного мнения* автора, ориентирующий на живой, неформальный диалог между ним и адресатом; это слово, несущее в себе потенциал диалога: здесь реакция на ранее известную позицию адресата, попытка воздействовать на нее, вызвать отклик адресата в слове или поступке. Причем, письмо – это достаточно свободная жанровая форма, позволяющая сочетать сообщение и размышление, частности и обобщения, легко принимающая в себя вставные жанры.

В своих письмах Короленко обращается не к одному лишь Луначарскому, а к высшему руководству советской России, к тем, кто сейчас вершит ее судьбу. Судя по всему, Короленко договаривался с Луначарским о том, что в своих письмах он постарается «высказать откровенно свои взгляды о важнейших мотивах общественной жизни» (232). И в то же время, адресуя свои письма именно к Луначарскому как «одному из теперешнего центра», Короленко полагал, что их «можно будет писать как к литератору» (Запись в дневнике. 12.05.20). Это очень существенная деталь, дающая ключ к художественной природе публицистики Короленко.

Писатель с публицистической прямоотой заявляет свою политическую позицию и принципиально отстаивает свое право на критику происходящего:

«Вы допустите, вероятно, – пишет он Луначарскому, – что я не менее любого большевика люблю наш народ. Допустите и то, что я доказал это всей приходящей к концу жизнью. Но я люблю его не слепо, как среду, удобную для

тех или иных экспериментов, а таким, каков он есть в действительности» (IV, 250).

Хотя Короленко оговаривается: «Я не политик, не экономист», но на самом деле, в отличие от Луначарского и Горького, он основательно разбирался в юриспруденции и экономике. И в «Письмах к Луначарскому» он со знанием предмета объяснял большевикам, в чем состоят их ошибки и преступления.

Короленко считал, что царская Россия была обречена, потому что в ней правила дворянская диктатура, потому что труд плохо вознаграждался, потому что существовала социальная несправедливость. Писатель поддерживал борьбу за социализм как за строй социальной справедливости. Однако, в отличие от Ленина и его единомышленников, он считал, что невозможно «перескочить» в социализм, минуя капитализм.

Но свою полемику с большевиками и их политикой Короленко ведет на языке искусства, средствами искусства слова. Правда, писатель постоянно извиняется перед адресатом за то, что постоянно отвлекается от «общих вопросов»:

«Это второе письмо я начну с конкретного примера. Так мне легче. Я не политик, не экономист. Я только человек, много присматривавшийся к народной жизни и выработавший некоторое чутье к ней» (II, 236). А письмо четвертое начинается так: «Н этот раз можно, кажется, обойтись без конкретных случаев, и я попытаюсь сразу перейти к общим вопросам, пока события не овладели еще моим настроением» (IV, 247). Но и на этот раз – не получилось: «Я хотел в этом письме обойтись без конкретных случаев», – пишет Короленко. – «Но я едва закончил это письмо. У нас продолжается прежнее...» (IV, 252). И сообщает об очередной акции властей – арестах и расстрелах заложников.

Но на самом деле этот «порок» художника становится одним из главных инструментов его публицистической полемики. Короленко старается убеждать картинками, сценами, эпизодами, живо написанными, с рельефными подробностями и выразительными деталями. Он объясняет присутствие большого числа «конкретных фактов» так: «Но я счел нужным их привести здесь *как фон*, на котором мы с вами ведем теперь обсуждение общих вопросов» (243). И этот фон убеждает своей неопровержимой достоверностью: это то, чему сам писатель был свидетель, по поводу чего был вынужден лично выступать – предотвратить расстрел невинных, кого-то выволить из тюрьмы, какие-то акции властей оспорить, переубедить.

Некоторые из историй в изложении Коро-

ленко выстраиваются, как вполне завершённые рассказы. Сюжеты этих «вставных новелл» носят дидактический характер – они направлены на опровержение тех или иных идеологических концепций и политических практик.

Чтобы уяснить «механизм» публицистического мышления автора «Писем», рассмотрим один пример.

В письме втором есть вставная новелла, в которой рассказывается о митинге безработных в Чикаго в 1893 году (236-239). «Картина была своеобразна», – пишет автор. Перед глазами читателя разворачивается панорама грандиозного митинга на огромной площади в Чикаго, но вот повествователь слышит «глубокий вздох» человека «в поношенном костюме рабочего», и изображение концентрируется – следует обмен мнениями между повествователем и этим рабочим. Оказывается, этот простой рабочий, называющий себя марксистом, считает, что «капитализм еще не докончил своего дела» и что к социализму «ни мы, ни эта толпа, ни учреждения... не готовы».

Далее – пишет автор: «...Точку зрения американского социалиста (...) постараюсь теперь восстановить своими словами». «Своими словами» у Короленко – значит перевести с языка логики на язык образных ассоциаций. Он сравнивает развитие общества с развитием живого организма: «Новые формы назревают в нем так же, как растут на дне коралловые рифы»... Далее логика мысли облекается в развертывание найденного сравнения:

«...Сплетаясь, они образуют гряду, которая все растет. То, что можно бы сравнить с социальной революцией, - это тот момент, когда риф поднялся над поверхностью океана. В это время он подвергается свирепым ударам океанских волн, стремящихся снести неожиданное препятствие, с одной стороны. С другой – влияние атмосферы стремится зародить жизнь на этой новой основе. Нужна была долгая органическая работа под водой, чтобы дать для этого устойчивое основание»(238).

А отсюда следует дидактический вывод:

«Не то же ли в обществе? Нужно много усилий, как политическая свобода, просвещение, нужна выработка новых общественных сплетений на прежней почве, нужны растущие перемычки в учреждениях и в человеческих правах».

Именно так, наглядно, можно сказать, «визуально», Короленко объясняет большевикам, в чем состоит их главная стратегическая ошибка: они пытаются «перескочить» через капита-

лизм, своевольно, директивно «внедрить коммунизм», не научившись у капиталиста организации производства. А что же вышло в результате? «Вы победили капитал, – констатирует он, – Вы не заметили только (...), что, убив его, вы убили также производство» (V,254). «И главное – вы разрушили то, что было органического в отношениях города и деревни: естественную связь обмена» (255).

Подобная политическая стратегия есть следствие умозрительного подхода к действительности, который проявляется в максимализме и схематизме большевистских проектов и программ. «...Вы привыкли звать всегда к самым крайним мерам, к последнему выводу из схемы, к конечному результату (...). У вас схема, – пишет Короленко, – совершенно подавила воображение. Вы не представляете себе ясно сложность действительности (...). В преследовании этой своей схемы вы довели страну до ужасного положения»(V, 254), – констатирует писатель.

Другой коренной порок большевистской стратегии Короленко видит в провозглашенном ими лозунге «диктатуры пролетариата». Но готов ли народ России к руководящей роли в своем государстве?

Короленко вновь апеллирует к реальной действительности. Он рассказывает истории из опыта революции 1905 года (о массовых «граббидках», которые совершали крестьяне в помещичьих экономиях) (246); дает «маленький, но многозначительный пример» – о том, как в Полтаве горожанам разрешили засадить овощами все свободные участки земли и как все посаженное покрали (251); рисует сцену, увиденную из окна своего дома: как красноармейцы, «входя в какое-то торопливое ожесточение», стараются чем угодно, круша всё и вся, сбить орехи с нескольких ореховых деревьев, растущих во дворе; приводит «случай, яркий, как нарочно придуманный анекдот, но тем не менее действительный» – о том, как один румынский боярин, возбужденный социалистическими идеями, «завел образцовый парк общественного пользования» и какому вандализму он подвергся (248-249).

Поучительный характер всех этих историй, случаев, сцен очевиден. На их основании автор «Писем» делает обобщающий вывод, звучащий чеканно, как строфа из стихотворения в прозе (покажем это графически):

«...Народ, который еще не научился владеть аппаратом голосования, который не умеет формулировать преобладающее в нем мнение;

который приступает к устройству соци-

альной справедливости через индивидуальные грабежи (ваше: «грабь награбленное»);

который начинает царство справедливости допущением массовых бессудных расстрелов, длящихся уже годы;

такой народ еще далек от того, чтобы стать во главе лучших стремлений человечества.

Ему нужно еще учиться самому, а не учить других» (266).

Это уже риторическая поэтика, которая в данном случае эстетически воздействует на читателя экспрессией фразы, ритмом надфразового периода (абзаца).

К арсеналу риторической поэтики Короленко чаще всего обращается, когда *обличает* своих оппонентов. Например, свое возмущение вопиющим попранием законности, каковым явилось учреждение ВЧК, автор выражает в форме, которую можно назвать «картинным удивлением»:

«Много и в то время и после этого творилось невероятных безобразий, но прямого признания, что позволительно соединять в одно следственную власть и власть, постановляющую приговоры (к смертной казни), даже тогда не бывало. Деятельность большевистских Чрезвычайных следственных комиссий представляет пример – может быть, единственный в истории культурных народов» (233-234).

Свой гневный протест против массовых бессудных арестов автор «Писем» кристаллизует в форму вопроса, налитого убийственным сарказмом: «Можно ли думать, что расстрелы в административном порядке могут лучше формировать цены, чем гильотина?» (I, 235) Наконец, Короленко использует такой прием интеллектуальной риторики, как парадоксальное обнажение негативного смысла в том, в чем его оппоненты видят сугубо позитивный смысл:

«Самая легкость, с которой вам удалось повести за собой наши народные массы, указывает не на нашу готовность к социалистическому строю, а, наоборот, на незрелость нашего народа» (IV, 248);

«Радуюсь своим победам над денкидцами, над Колчаком, над Юденичем и поляками, вы не заметили, что потерпели полное поражение на гораздо более обширном и важном фронте»⁶ (V, 254).

При этом Короленко не игнорирует традиционные выразительные средства художественной речи. Тут и язвительный эпитет: «Что пред-

ставляет собой ваш *фантастический* коммунизм?» – вопрошает автор своих оппонентов. Разжигание большевиками классовой вражды он характеризует так – «*систематизированная ярость*» (235). Тут и выразительная метафора: «...Сельская Украина кипит ненавистью и гневом» (256). С едкой иронией автор аттестует нынешних правителей: «Хорошо устроившиеся коммунисты» (261). А говоря о неуловимом батьке Махно, который смеется над беспомощностью советской власти, автор «Писем» не чуждается гротеска: «...этот смех напоминает истинно мефистофельскую гримасу на лице нашей революции» (252).

Но пафосом обличения не ограничивается стилевая палитра «Писем». В них есть несколько стиливых пластов, которые образуют в раскованном, субъективно мотивированном дискурсе письма некую экспрессивную полифонию.

Обличение здесь исходная тональность, дающая «запев». Обличения прямо переходят в *предостережения*. Так, в связи с закрытием большевиками оппозиционных газет, Короленко, который, как он сам себя аттестует – в царское время «умел порой порывать цензурные рамки», – предупреждает:

«Как вы узнаете и как вы выражаете его (народа – авт.) волю? Свободной печати у нас нет, свободы голосования – тоже. Свободная печать, по-вашему, только буржуазный предрассудок. Между тем отсутствие свободы печати делает вас глухими и слепыми на явления жизни» (V, 256).

Потакание распоясавшимся красноармейцам может привести к тому, – предупреждает писатель, – «что вместо социализма мы вели только грубую солдатчину вроде янычарства» (VI, 262).

Предупреждения переходят в *пророчества*:

«Ясно, что дальше так идти не может, и стране грозят неслыханные бедствия...» (VI, 261). «Не желал бы быть пророком, но сердце у меня сжимается предчувствием, что мы только еще у порога таких бедствий, перед которыми померкнет всё то, что мы испытываем теперь» (VI, 265).

В голосе автора «Писем», который всей душой болеет за Россию, очень сильно звучит тональность *увещевания*. В традиционном стиле личного, душевного взывания Короленко обращается непосредственно к Луначарскому:

«От души желаю, чтобы в вашем сердце зазвучали опять отголоски настроения, которое когда-то родило нас в главных вопросах,

⁶ Короленко имеет в виду «хозяйственный фронт», это выражение родилось в годы советской власти.

когда мы оба считали, что движение к социализму должно опираться на лучшие стороны человеческой природы» (I, 236).

В обращении же к советским вождям голос автора наливается ораторской силой, звучит взыскующе, требовательно. Так, опасаясь того, что протест народа против кровавой тирании большевиков выльется в еще более кровавый бунт, Короленко обращается с «призывом к..., вожакам скороспелого коммунизма, отказаться от эксперимента и самим взять в руки здоровую реакцию, чтобы иметь возможность овладеть ею и обуздать реакцию нездоровую, свирепую и неразумную» (VI, 266-267).

Писатель, которому очень дороги идеи социальной справедливости, который с ужасом наблюдает, как эти идеи профанируются и дискредитируются, пытается найти выход из того тупика, в который загнали демократическую революцию «вожаки скороспелого социализма». Он вопрошает: «Где же исход?» И пытается найти его.

Ближе к концу цикла в голосе автора «Писем» все сильнее звучит *учительная тональность*, но она тоже звучит не на одной ноте. Тут и суровое поучение, звучащее порой с саркастическими модуляциями:

«И вот истинно благородное чудо состояло бы в том, чтобы вы (...) отказались от губительного пути насилия. Но это надо делать честно и полно, (...) Вы должны прямо признать свои ошибки, которые вы совершили вместе с народом.» (VI, 269).

Но значительно чаще свои поучения автор «Писем» облекает в такой тон, который точнее всего можно обозначить старинным русским словом – «советованье».

И вот что показательно. Писатель, который так последовательно упрекал большевиков в экономической безграмотности и хозяйственном волонтаризме, который с ужасом констатирует, что «голодом поражена вся Россия», все же видит главную задачу революции не в экономике и даже не в налаживании нормальной хозяйственной жизни, а в «воспитании нравственной культуры». Мысль автора облекается в чеканную афористическую форму: «Души должны переродиться» (VI, 264).

Совершенно очевидно, что в представлении о высших целях социальной революции Короленко солидарен с Горьким⁷. Но «Несвоевре-

менные мысли» были высказаны в самом начале революции, Короленко же писал свои «Письма» в 1920-м году, после гражданской войны, когда уже накопился целый Монблан ошибок и преступлений новой власти. Поэтому он старается просматривать пути *в о з в р а щ е н и я* к исходным идеалам, во имя которых совершалась демократическая революция. Для Короленко нет никаких сомнений в том, что прежде всего «надо исходить из бережного отношения к человеческой жизни, которая стала теперь так дешева» (I, 236). Это краеугольный камень его политической доктрины. А отсюда следует, что нужно «вместо разжигания классовой борьбы искать согласия внутри страны между всеми общественными слоями».

Меры, которые следует предпринимать во исполнение этих задач, Короленко излагает в виде четких положений, характерных для речи политического деятеля. Власти – отказаться от террора. Восстановить демократические институты, которые только-только начали формироваться сразу после февраля 17-го года, а именно – свободу печати, свободу слова, свободу собраний. Вернуться к нормальному уголовно-процессуальному кодексу. Восстановить государственность как институт, обеспечивающий компромисс и согласие разных социальных слоев между собой. Но сухим политическим формулировкам писатель придает экспрессивную окраску. Здесь и классические образные оппозиции: «Корабль будущего приходится провести между Сциллой рабства и Харибдой несправедливости» (VI, 265). А предупреждая о том, что по пути изменения нравов «нам надо пройти долгую и суровую школу», Короленко дает яркую аналогию:

«Из одного и того же вещества углерода получают и чудные кристаллы алмаза и аморфный уголь. Значит, есть разница во внутреннем строении самих атомов. То же можно сказать и о человеческих атомах, из которых состоит общество: не всякую форму можно немедленно скристаллизовать из данного вещества» (IV, 251).

Свои «Письма» Короленко завершает призывом повести народ «по пути возвращения к свободе». Однако он очень сомневается в том, что большевистские вожди способны на это:

⁷ Между Горьким и Короленко еще с 1890-х годов установились теплые отношения. Короленко был первым писателем, к которому пришел со своими литературными опытами молодой Алексей Пешков. Горький всегда относился к Короленко с величайшим уважением, называл его

своим учителем и наставником. В годы революции гражданской войны они обменивались письмами, в которых делились своими тревогами по поводу происходящих событий, пытались совместно организовать помощь голодающим.

«Но... возможно ли это для вас? Не поздно ли, если бы вы даже захотели это сделать?» Так заканчивается последнее, шестое, письмо.

Короленко придавал большое значение своим письмам к Луначарскому, он надеялся достучаться до умов и сердец новых вершителей судеб России. Он даже льстил себя надеждой, что на провозглашение Лениным перехода к нэпу его письма тоже оказали какое-то влияние. Но на самом деле слово Короленко оказалось гласом вопиющего в пустыне. Власти поостереглись шельмовать старого писателя, они даже всячески демонстрировали свое уважение к нему – широко отметили его 68-летие, предлагали материальную помощь, уговаривали выехать за границу на лечение. Короленко воз-

вращал все подношения и категорически отказался покидать Россию. На самом же деле большевистские идеологи старались создавать о нем впечатление как о человеке, который уже не поспевает за жизнью, имеет превратное представление о происходящем.

Официально, публично власти никак не отреагировали на письма К. Они их просто замолчали. Власти сделали все возможное, чтобы внутри страны о «Письмах» Короленко не знали. Словно их не было...

Совершенно очевидно, что в спектре мнений о революции и путях, по которым пошла Россия после 17-го года, Короленко занимает особую, позицию, преисполненную трагизма и боли за попранные, извращенные, дискредитированные идеалы социальной справедливости и свободы.